

Великий художник Леон Бакст родился в Гродно

Источник публикации: Козлов, И. Великий художник Леон Бакст родился в Гродно [Электронный ресурс] / Игорь Козлов // Гродзенская праўда [Сайт]. — Режим доступа: <http://grodnonews.by/category/kultura/news28079.html>. — Время доступа: 04.01.2017.

Начало XX века было золотым временем для Европы. Не было виз, границы между государствами только на карте. Есть деньги, паспорт – езьай куда хочешь, живи где хочешь.

Появление радио заставило людей во всем мире пересмотреть свои взгляды: мироощущение человека переходило с пространственного во временное измерение. 14 апреля 1912 года уроженец местечка Узляны Игуменского уезда Минской губернии (ныне Пуховичский район Минской области) Давид Сарнов первым принял сигнал о крушении «Титаника» и тем самым сразу приобрел всемирную известность. Позже он стал основателем радио и телевидения в США.

Абсолютная вера в бесконечность человеческого разума в изобретении технических новинок подняла до небес акции промышленных корпораций.

В начале века произвел революцию и автомобиль. Поездки, встречи стало возможным планировать не с точностью до недель и суток, а с точностью до часов и минут. В 1903 году Генри Форд вложил сто тысяч долларов в основание компании «Форд». Стоимость первой модели его автомобиля T изначально равнялась 805 долларам, а введение конвейерной сборки позволило снизить эту цифру до трехсот долларов. Генри Форд первым в мире преодолел планку оплаты труда за рабочий день в пять долларов. Промышленник считал, что высокие заработки его рабочих побудят их к покупке автомобилей для личного пользования, а это приведет к росту производства. Так оно и произошло. Именно Форд заложил основу нового типа экономической организации – общества потребления.

Индустриальная революция требовала и нового искусства. В России оно получило название «Серебряный век», подразумевая прежде всего колоссальный прорыв в литературе. Во Франции это время определили как «Прекрасная эпоха», подразумевая под этим стиль жизни.

ЛЕЙБ ХАИМ – ЛЕВ ЛЕОН

По документам, выданным при рождении, он проходил как Лейб Хаим Розенберг. Будущий великий художник Леон Бакст родился в Гродно сто пятьдесят лет назад, в 1866 году. Его мать была единственной дочерью гродненского коммерсанта Бакстера, поставлявшего сукно для российской армии. Его ценили при дворе, а имущественный ценз позволял без труда переехать в Петербург.

Дед будущего известного художника Льва Бакста совершил хитрый и не запрещенный законом прием: он усыновил своего зятя. Таким образом, семья дочери в полном составе легко преодолела черту оседлости.

Родители не одобряли увлечение рисованием своего сына. Религиозный папа твердо знал требование Торы: «Не сотвори себе кумира», то есть не изображай человека. Проблему Льва решил либеральный дедушка. Он не только поддержал увлечение внука, но и убедил родителей, что у ребенка есть талант. Дед отправил набор рисунков Левушки в Париж российскому скульптору Марку Антокольскому. Мэтр высоко оценил присланные работы и посоветовал поступать в академию художеств. А Левушка, который учился в 6-й петербургской гимназии, в 12 лет выиграл конкурс на лучшее исполнение портрета В. А. Жуковского к столетию со дня его рождения. Образцом для написания портрета послужила гравюра.

В ПОИСКАХ СЕБЯ

Во время учебы Лев случайно оказался в мастерской по изготовлению наглядных пособий. Ее владелец, педагог и писатель А.Н. Канаев, предложил оформить книги для детей. Кроме того, молодой Розенберг стал членом общества аквалеристов, которое возглавлял художник Альберт Бенуа. За услуги в редактировании своих рисунков барон Дмитрий Бенкендорф рекомендовал Льва Розенберга великому князю Владимиру Александровичу для обучения рисованию своих детей. В 1889 году студента-академика приглашают участвовать в большой выставке – совместном показе работ российских и финских художников. Амбициозный молодой человек очень хотел, чтобы на него сразу обратили внимание. Помехой для признания, на его взгляд, была фамилия Розенберг. Без особых колебаний он берет фамилию деда, отсекая от нее последние две буквы. С этого дня он Лев Бакст.

Судьба благоволила ко Льву Баксту. В 1890 году несколько молодых людей, не так давно окончивших петербургскую гимназию К. Мая, решили объединиться в группу, которую рассматривали как кружок самообразования. Начальный состав группы составили Константин Сомов, ставший художником, Дмитрий Философов, впоследствии публицист, музыканты и критики Альфред Нурок и Вальтер Нувель и двоюродный брат Дмитрия Философова Сергей Дягилев. Идейным вдохновителем группы, которая в дальнейшем получила название «Мир искусства», стал Александр Бенуа. На их взгляд, российская культура того времени была провинциальна по сравнению с европейской. Из Франции и Германии приходили сообщения о новых взглядах, слово «модернизм» звучало как пароль при переходе в новый XX век.

Надо отдать должное, интуиция их не подвела. Они первыми уловили синергетику (объединение) нового направления. И сделали вывод: одним из путей нового искусства XX века должен стать синтез нескольких его видов – слияние музыки, слова, живописи и танца. А все это вместе и есть театр. В этот кружок Лев Бакст попал благодаря братьям Бенуа, где быстро проявил себя. В 1898 году вместе с Дягилевым начал выпускать журнал «Мир искусства», ставший центром притяжения российской творческой интеллигенции. Все его коллеги к тому времени уже побывали за границей, ведь их семьи принадлежали к кругу, в котором это было нормой воспитания молодых людей. У Бакста такой возможности не было, и он стал собирать

деньги на заграничное турне. Госпожа удача и тут не заставила себя ждать. Благодаря графу Бенкендорфу Лев получил выгодный заказ: написать картину, посвященную прибытию российских моряков во главе с адмиралом Авеланом в Париж. Создание столь монументального полотна требовало работы на месте, и царский двор, понимая это, на деньги не скупился. Платили регулярно, а исполнение заказа затянулось на целых восемь лет. Получилось тяжеловесное полотно в академическом стиле: у Бакста к такой работе просто не лежала душа.

«ТАЛАНТ – ЕДИНСТВЕННАЯ НОВОСТЬ, КОТОРАЯ ВСЕГДА НОВА...»

Гения отличает то, что он всегда первый в открытии нового. Уроженец Смиловичей Минской губернии Хаим Сутин как портретист ни в чем не уступал Баксту и даже в чем-то превосходил его. Но в истории мировой живописи первой половины XX века он «один из». Бакст же, как говорят в таких случаях, оказался в нужное время в нужном месте. Театральное и художественное, слившееся воедино в Льве Баксте, нашло свое материальное проявление: он состоялся прежде всего как театральный художник и художник по театральным костюмам.

Классический балет как искусство зародился в начале XIX века во Франции и Италии. Потом он добрался до России, и первый взлет его пришелся на время Петра Чайковского и Мариуса Петипа. В начале XX века нарушителем спокойствия почивавшего на старых лаврах балетного мира стал молодой Михаил Фокин. В 1907 году он поставил в Мариинском театре балет по либретто А. Бенуа «Павильон Армиды». Это была мощная заявка на новое слово.

Прелюдией к этой «балетной революции» стало выступление Айседоры Дункан – будущей жены Сергея Есенина – в Петербурге 13 декабря 1904 года. Дункан была яркой противницей классического балета с его жесткими стандартами. Она танцевала босиком, в греческой тунике, под музыку, которая не была написана специально для балета. Звучали Шопен, Бетховен, Дункан танцевала даже «Интернационал». Дягилев, Фокин, Бенуа и Бакст были на ее представлении, и американская танцовщица произвела на них неизгладимое впечатление. После концерта они встретились с ней на ужине в доме Анны Павловой. Было горячее обсуждение нового танца, после которого балетные установки Петипа заметно пошатнулись. Спустя годы

Сергей Дягилев скажет, что именно влияние Дункан стало толчком к созданию Ballets Russes: «Мы несли факел, который она зажгла».

ИДА

Первый русский сезон в Париже в 1909 году близился к завершению. В мае прошли показы «Павильона Армиды», половецких плясок из оперы Бородина «Князь Игорь», танцевальная сюита «Пир», где блеснули молодые Тамара Карсавина и Вацлав Нижинский. На 2 июня была назначена последняя премьера сезона – одноактный балет «Клеопатра». Публика в ожидании начала спектакля переговаривается, обсуждает великолепную технику русских и гадают, чем они удивят в этот раз. Здесь собрались дамы света и полусвета со своими спутниками, искушенные и придирчивые, их сложно чем-то удивить. Они до деталей знают, как должны выглядеть декорации: Древний Египет принято изображать с пирамидами и сфинксом, на пачках у балерин наверняка будет изображение лотоса.

Звучит увертюра, поднимается занавес. То, что открылось перед публикой, непривычно и завораживает. В нишах каменные статуи фараонов, сквозь просвет в глубине голубая лагуна Нила. Четверо черных рабов выносят на сцену паланкин, расписанный восточными узорами, и опускают его на пол. Из него бережно извлекают нечто вроде мумии и ставят лицом к зрителям. Медленно разворачивают и снимают красное покрывало с вытканными на нем золотистыми крокодилами. Зал ахает: перед ним второе покрывало, зеленое, на котором яркой нитью прочерчена хронология правящих династий. Снимают и его, открывается третье, оранжевое, четвертое, пятое... Одиннадцатое сдергивают одним резким рывком, после чего Клеопатра мягко и плавно сбрасывает последнее, темно-синее, и предстает в полупрозрачном одеянии. Скорее обнажающем, чем скрывающем тело. Вздох восхищения разрывает зрительный зал. Публика потрясена не столько нешаблонным сюжетом, а впечатлением от цельности увиденного. Здесь все слилось в единый ансамбль – декорации, костюмы, игра красок, стиль и характер танцев. Это единство многократно усиливало эстетическое воздействие представления. Но парижан интересовало одно – кто эта поразительная артистка, которую они увидели впервые? И кто этот чародей, который соединил в единое целое несоединимое?

...Светский раут был в разгаре, когда к Баксту подошел знакомый режиссер и представил ему молодую даму: «Ида Рубинштейн». Имя Баксту ничего не говорило, а вот внешность поразила. Тонкая, вытянутая, с

завораживающим лицом, это был тип красоты, с которым прежде Бакст никогда не сталкивался. Разговор был прост, дама хотела, чтобы Бакст оформил для нее спектакль. Речь шла о трагедии Софокла «Антигона» в «Новом театре» Лидии Яворской на Мойке. Все вопросы относительно постановки Рубинштейн сняла сразу: «Спектакль мой, частный. Плачу я». Заинтригованный Бакст на следующий день обошел нескольких друзей в надежде узнать сведения о загадочной работодательнице. Задача оказалась несложной, у них было очень много знакомых.

Дед Иды был неплохим биржевым игроком, и ему было что оставить своим сыновьям Леону и Адольфу. Ида, единственная дочь Леона, родилась в 1883 году. Ее родители были более чем обеспеченными людьми – несколько банков, пивзавод «Новая Бавария», сахарные заводы, магазины. Но вскоре после ее рождения умирает мать, а в 1892 году во Франкфурте отец. В девять лет она становится наследницей огромного состояния. В десять лет ее привозят в Петербург к тетке мадам Горовиц в богатый дом на Английской набережной.

Ида окончила частную гимназию, прослушала домашний курс истории русской литературы, свободно владела пятью европейскими языками. Но известие о том, что она хочет стать актрисой, стало для ее тетки громом среди ясного неба. В религиозной семье такого потерпеть не могли. Отговорить племянницу мадам Горовиц не смогла и отправила ее в Париж к известному психиатру. Тот перестарался, поставив Иде диагноз – невменяема, и из самых добрых побуждений определил ее в психиатрическую клинику. Родственники, поняв, что доктор перегнул палку, встревожились. Ее вернули в Петербург. Поняв, что от назойливой опеки нужно избавиться, Ида объявила, что намерена выйти замуж за... своего двоюродного брата, то есть за сына тетушки Владимира. Настроение мадам качнулось в обратную сторону, а через месяц Ида развелась.

На «Антигоне» Ида Рубинштейн потерпела провал. Это неудивительно, сказались отсутствие школы и опыта, слабый и тусклый голос.

Лето 1908 года Ида проводит в Швейцарии, в пансионе под руководством Фокина она отрабатывает «Танец семи покрывал» из «Саломеи». 20 декабря причастные к спектаклю встречаются в Петербургской консерватории. Слухи о предстоящем событии уже ходили по городу. Такого танца еще не видели в российской столице – чувственного, эротического. По ходу исполнения танцовщица сбрасывала покрывала, а в

финале из одежды на ней осталось несколько ниток бус. После краткого шока зал взорвался овацией.

В 1909 году Бакст уезжает в Париж оформлять «Русские сезоны» Сергея Дягилева. Именно там происходит второе рождение актрисы. Когда встал вопрос об исполнительнице роли Клеопатры, утонченные Павлова и Карсавина сразу были отставлены. Небывалый успех стал убедительным аргументом в пользу как Бакста, так и Дягилева.

«ШАХЕРЕЗАДА»

Репертуар 1910 года планировали летом в Венеции. Появление в «Русском сезоне» балета «Шахерезада», поставленного специально «под Иду», было вполне естественно. Дягилев попросил Серова сделать рекламную афишу с ее изображением на обложке. Музыкальную основу балета составила оркестровая сюита Римского-Корсакова. Либретто написал Александр Бенуа, опираясь на «1001 ночь». Но совершенно напрасно было искать в арабских сказках что-нибудь подобное сочинениям Бенуа. По сути это была 1002-я ночь.

4 июня 1910 года в «Гранд-Опера» состоялась премьера. Зал взорвался овацией, как только поднялся занавес, – это была реакция на декорации и костюмы. После «Клеопатры» и «Шахерезады» изменилась французская, а по сути и мировая мода. Разрезы на платьях, цветные парики, яркие краски, шаровары, тюрбаны, оранжевые абажуры – все это вошло в жизнь не одного поколения под воздействием того, что зритель в то время увидел на сцене. И создатель всего этого – Бакст.

Революция отняла у Иды все ее состояние. Но в нее влюбился пивной король Уолтер Гиннес, и она стала его любовницей. Супруга Уолтера благоразумно делала вид, что ничего не замечает. Ида вернулась на сцену, впереди ее ждал шумный успех в «Болеро» Мориса Равеля. Во время Второй мировой войны Ида Рубинштейн будет ухаживать за ранеными в госпитале, открытом в Лондоне Уолтером. Потом уедет во Францию, перейдет в католичество и после сердечного приступа найдет упоение на кладбище города Ванс. По ее завещанию на надгробном камне будут только две буквы: I R.

СЕМЬЯ

Влюблялся Бакст часто, но ненадолго. Настоящей его любовью стала Люба. Она была дочерью знаменитого Павла Третьякова, который собирал картины и основал в Москве галерею своего имени. До этого Люба была

замужем за художником-маринистом Н. Гриценко, родила от него дочь. Но потом один за другим, в 1898 году и 1900-м, скончались ее отец и муж. Молодая вдова завладела чувствами Бакста, и он сделал ей предложение. Но их брак был возможен только при смене вероисповедания Бакста. Лев Бакст поступил так, как до него поступали многие евреи, – перешел в лютеранство. Получив на эти акции разрешение министра внутренних дел, он уехал в Варшаву, где и совершил этот обряд. 12 ноября 1903 года они с Любой обвенчались.

Через четыре года родился сын Андрей. Лев любил и его, и приемную дочь Марину. Но отношения в семье постепенно разладились. После развода в 1910 году Лев Бакст вернулся в иудаизм. С бывшей женой и детьми сохранил добрые отношения и до конца жизни помогал им.

ЖАР-ПТИЦА

Жар-птица – символ не только Льва Бакста, но и всей эпохи того времени. «Жар-птица» – рубеж, определивший весь мировой балет XX века. Идея пришла Сергею Дягилеву – есть русские оперы, есть замечательные исполнители, а русского балета нет. Тема возникла сразу же: жар-птица! Посидели над сборником русских сказок, собранных Афанасьевым, и смастерили либретто. Осталось написать музыку. После обсуждений, кто бы мог это сделать, выбрали Анатолия Лядова. Декорации поручили Головину, у него был опыт оформления «Бориса Годунова», а костюмы – Баксту. Через несколько недель Головин случайно встретил на улице Лядова. «Как у вас идут дела с музыкой?» – спросил он. «Прекрасно! – ответил Лядов. – Уже купил нотную бумагу». Для Дягилева это было слишком, он резко и

бескомпромиссно расторгнул соглашение. И тут же послал телеграмму на Украину, где в деревне вместе с семьей отдыхал юный композитор, ученик Римского-Корсакова. Дягилев познакомился с ним пару лет назад. Звали юношу Игорь Стравинский.

Когда музыка была написана и начались репетиции, Стравинский присутствовал на них и задавал нужный темп игрой на рояле. Танцоры не понимали его, они воспринимали его музыку, как набор звуков, а игру – как попытку поколотить молотком по клавиатуре с целью разрушить инструмент. Музыку критиковали, говорили, что в ней нет мелодии. Сложность восприятия Стравинского была в том, что в отличие от классической балетной музыки, которую можно напеть, с музыкой Стравинского это было сделать нельзя. Каждая его нота совпадала с конкретным движением танцовщика.

В главной роли выступала Тамара Карсавина, партию Ивана танцевал сам Фокин. «Жар-птица», пробившись сквозь неприятие и непонимание, взлетела высоко. Этот балет и сегодня ставят ведущие мировые театры. А Игорь Стравинский с «Жар-птицы» начал свое восхождение к мировой славе.

Лев Бакст был мотором и душой этого балета. С 1910 года он поселился в Париже. Здесь он нашел постоянного и опытного изготовителя своих костюмов – мадам Muelle. А работа эта была непростой – множество мотивов и аксессуаров: роспись, краска, вышивка, бисер, тесьма, металлические украшения, шелк для ведущих солистов. Здесь в Париже по-настоящему раскрылся талант Бакста. И именно отсюда он вошел в историю как Леон Бакст. И таким он остается в мировой культуре и по сей день.